

Мои встречи с Юрием Семеновичем Мартемьяновым

Владимир М. Труб

*Институт украинского языка Национальной академии наук Украины,
Киев, Украина, trub44@ukr.net*

Аннотация. Статья посвящена памяти выдающегося советского и русского лингвиста Юрия Семеновича Мартемьянова, который был одним из первых, кто категорически заявил о необходимости принципиального использования смысла при машинном переводе, а его пионерские работы по актуальному членению, коммуникативной организации семантического представления, глубинным механизмам порождения текста во многом предвосхитили и даже опередили нынешнее состояние лингвистической науки. Автор рассказывает о своем периодическом общении с Ю.С. Мартемьяновым в течение почти 33 лет.

Ключевые слова: машинный перевод, семантика, валентность, лексические функции, юнкция, нексус, семантическое представление, язык RX-кодов, история Московской семантической школы

Для цитирования: Труб В.М. Мои встречи с Юрием Семеновичем Мартемьяновым // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 155–168.

My meetings with Yurii Semenovich Martem'yanov

Vladimir M. Trub

*Institute of Ukrainian of National Academy of Sciences,
Kiev, Ukraine, trub44@ukr.net*

Abstract. The article is dedicated to the memory of outstanding Soviet and Russian linguist Yurii Semenovich Martem'yanov who was among the first who resolutely declared the necessity of fundamental utilization of sense in machine translation. His pioneer works in actual articulation, communicative organization of semantic presentation, deep mechanisms of text generation in many aspects anticipated and even forestalled the current state of linguistic studies. The author tells about his recurring communication with Yu.S. Martem'yanov during almost 33 years.

Keywords: machine translation, semantics, valency, lexical functions, junction, nexus, semantic presentation, language of RX-codes, origin of the Moscow semantic school

For citation: Trub VM. My meetings with Yurii Semenovich Martem'yanov. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):155-68.

...Была то ли ранняя весна, то ли поздняя осень 1963 г. Я был, соответственно, студентом 2-го или 3-го курса Отделения структурной и прикладной лингвистики Киевского госуниверситета. Помню, шла очередная лекция спецкурса «Введение в структурные и дескриптивные методы изучения языков». Читала ее наша заведующая кафедрой Фионила Алексеевна Никитина, которая вместе с большим энтузиастом, крупным математиком профессором Львом Аркадьевичем Калужниным была одним из главных организаторов нашего отделения на филологическом факультете (отделения, которое лишь недавно возобновило свое существование

после 30-летней паузы...). Одна из моих сокурсниц задала лектору какой-то вопрос, касающийся семантики. Фионила Алексеевна ответила: «Вам надо связаться с группой Мартемьянова». Так я впервые услышал это имя. В кратком ответе Фионины Алексеевны отразилось устоявшееся представление «со стороны» и о соответствующем коллективе, и о том, кто был тогда его лидером...

Шло время, на старших курсах меня все более поглощала эта загадочная семантика, которая и теперь, 50 с лишним лет спустя, кажется не менее загадочной. (Как тут не вспомнить давнюю мысль Юрия Семеновича о том, что никакое семантическое представление не будет исчерпывающе полным и достаточным...) Мы уже что-то знали об известном «манифесте» А.К. Жолковского, Н.Н. Леонтьевой, Ю.С. Мартемьянова «О принципиальном использовании смысла при машинном переводе», впервые озвученном в наших Черновцах в 1960 г. (см. [1])¹. С большим интересом я прочитал знаменитую статью И.А. Мельчука «О “грамматическом” в языке-посреднике»², а на пятом курсе изучали известное «Предисловие» А.К. Жолковского и его же «Правила семантического анализа» в легендарном 8-м выпуске сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Но эта учеба больше шла в режиме факультативного курса, и я солгу, если скажу, что все мне было тогда понятно. На 4-м курсе меня увлекла очень стройная система языка RX-кодов, построенная Э.Ф. Скороходько для целей информационного поиска. Эдуард Федорович читал нам лекции по документалистике и вскоре стал руководителем моей курсовой работы, в которой я пытался нащупать формальные пути определения семантических отношений между элементами номинативных фраз информационных запросов и документов. Позже эта тема переросла в дипломную работу. После ее защиты я стал сотрудником (инженером) Лаборатории автоматизации информационных работ Института кибернетики АН УССР, которой руководил Э.Ф. Скороходько. Чем больше вникал я в семантическую проблематику, тем больше возникало вопросов. Я знал, что теми же проблемами активно занимаются в Москве, но пока не мог нащупать общих точек соприкосновения, того, что теперь принято называть мод-

¹ По материалам этого выступления впоследствии была подготовлена статья упомянутых авторов с тем же названием, опубликованная в сборнике «Машинный перевод» (Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники. Вып. 2, 1961 г.).

² Напечатано в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960.

ным словом «compatibility»... Помню, что внимательно изучал статью Н.Н. Леонтьевой и С.Е. Никитиной о семантике предлога «за»³ (в упомянутом уже 8-м выпуске сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика», понимая, что то, что авторы считают значением предлога, для нас есть значение семантического отношения.

В мае 1967 г. в Киев приехал Виктор Юльевич Розенцвейг (мне даже довелось вместе с Ф.А. Никитиной встречать его в аэропорту). Он прочитал в нашем университете три или четыре лекции, которые были в основном посвящены легендарному открытию А.К. Жолковского и И.А. Мельчука – лексическим функциям. Я внимательно прослушал все лекции, но опять же не могу сказать, что на слух все адекватно воспринял – проблема «compatibility» не снималась...

Прошу прощения за то, что так долго пишу о себе, но не знаю, как иначе подойти к главному сюжету повествования – Юрию Семеновичу. Ведь я не москвич, и мой путь к общению с ним был долгим, извилистым и непредсказуемым.... Через месяц с небольшим (в конце июня) меня забрали в армию (до того трижды пытались забрать с 3-го и 4-го курсов – у нас не было военной кафедры). Конечно, для меня это было немалым потрясением – я очень опасался, что армейский дух, «солдафонщина», выбьет из меня интерес к науке. В армию ушел с книжкой «Идеи и методы современной структурной лингвистики» Ю.Д. Апресяна, а примерно через год, перед демобилизацией, носил за пазухой гимнастерки его же «Экспериментальное исследование семантики русского глагола», случайно приобретенную в одном из книжных магазинов Смоленска, где дотягивал последний месяц службы. Думаю, что не открою особой военной тайны, если скажу, что службу проходил в ракетных частях Калининградской области – сначала в батарее связи в лесу под Советском (бывшим Тильзитом), а затем в качестве преподавателя школьного курса алгебры, геометрии и... русской литературы по учебнику Флоренского (ведь я не просто математический, а еще и лингвист) на курсах для солдат и сержантов, желающих поступить в высшие военные учебные заведения. Этим я вместе с другим «коллегой» по высшему образованию (он читал физику и тригонометрию) занимался уже под Гвардейском (бывшим Топилау).

Еще в первой воинской части мне удалось «открыть Америку» – самостоятельно прийти к идее валентности (правда, сам термин мне был тогда неизвестен), чем я (естественно, внутри себя) немало гордился. Помню, нас вели строем на обед в солдатскую

³ «Опыт описания семантики предлогов».

столовую, и где-то на середине дистанции до меня наконец дошло, что семантическое отношение между словами *отличник* и *боевой подготовки* никак не зависит от предложно-падежной формы конструкции и лексико-семантических категорий компонентов, как я полагал раньше. Оно заложено в самом значении слова *отличник* (\approx 'тот, кто под чьим-то руководством высококачественно осваивает то или иное Р'). А именная группа родительного падежа типа *политической подготовки*; учебы просто конкретизирует, заполняет эту переменную Р. Когда мы, чеканя шаг по команде сержанта-грузина («Взвод, творже ног!»), домаршировали до столовой, я был счастлив, и даже солдатская баланда показалась вполне сносной. Позже мне удалось как-то изложить эти идеи в виде небольшой статьи, которую я, будучи дневальным, закончил переписывать на белом в ночь на Новый 1968 год, а утром 1 января передал с дежурным связистом в Советск, который и отправил ее в «бандерольном» конверте по киевскому адресу одной из моих коллег.

Эта история имела неожиданное продолжение. Через полтора месяца, в разгар учебного процесса под Гвардейском, я получил из Киева конверт, где, помимо прочего, была бумага на официальном бланке с печатями, адресованная на имя командира части. В ней шла речь о том, что Оргкомитет всесоюзной конференции, которая должна была состояться в середине марта в Институте кибернетики АН УССР, просит командировать в Киев на 3–4 дня рядового Труба для участия в ее работе – выступления с докладом. С этой бумагой я отправился к командиру части, который ко мне и коллеге хорошо относился – ведь на нас «держался» весь учебный процесс. Ознакомившись с ее содержанием, он сказал, что ему приятно, что его подчиненному удастся совмещать военную службу с научными занятиями, но по этому вопросу я должен обратиться к начальнику штаба, что я незамедлительно и сделал. Начальник штаба подумал и сказал, что в Вооруженных Силах не существует статьи расходов, по которой меня можно было бы отправить на конференцию. Я, естественно, сразу же сказал, что готов поехать за свой счет. «Ну так что ж, вы думаете, Вооруженные Силы такие бедные?» – ответил он. Мне не оставалось ничего другого, как козырнуть и повернуться кругом – не мог же рядовой сказать подполковнику, что в его рассуждениях – логический круг...

А четыре с лишним месяца спустя, уже «на гражданке», коллеги наперебой рассказывали мне об этой конференции – зря, мол, ты не приехал. Оказывается, на нее приезжали Жолковский, Мельчук, Мартемьянов, Розенцвейг, Леонтьева и многие другие. Мельчук выступал с докладом о лексических функциях и мне захлеб

твердили о Magn-ax, Oreg-ax, Func-ax, Incer-ax. Еще рассказывали, что при необходимости он сразу обращался за консультацией к Ю.С. Мартемьянову, который у них «главный по ситуациям».

Я понял, что далее пребывать в неведении было преступно и недопустимо. Вскоре мне удалось стать обладателем 19-го номера «Проблем кибернетики» с известной статьей Жолковского и Мельчука «О семантическом синтезе». Тщательно ее проштудировав, я мгновенно заочно влюбился в обоих авторов, пополнив собой ряды их многочисленных и ревностных почитателей. Вскоре прояснились, обозначились и общие точки соприкосновения: ведь, к примеру, лексические функции Oregi, Funci, Labori, k – это, помимо стандартной модели управления, – другие, альтернативные способы связи предиката с его актантами.

Более чем через год, в октябре 1969 г., меня направили в командировку в Москву, в Лабораторию машинного перевода 1-го МГППИЯ для ознакомления с ее достижениями. В первую очередь надлежало ознакомиться с недавно защищенной кандидатской диссертацией Н.Н. Леонтьевой, в которой демонстрировались возможности разработанного ею языка «Эхо», близкого по структуре языку РХ-кодов. Встретили меня очень гостеприимно, Нина Николаевна сразу же дала читать свою диссертацию и даже разрешала брать ее «на дом». В лаборатории мне все было интересно, познакомился я и с симпатичным, высоким и худощавым Константином Эрастовым, который приходил по вечерам и с бешеной, восхищавшей меня тогда скоростью что-то печатал на машинке. Он охотно рассказывал мне о Мельчуке, в частности – о том, что его легче всего увидеть во время физкультурных пробежек на Ленинских горах. Например, венгру Д. Варге, приехавшему из Будапешта специально для встречи с Мельчуком, удалось пообщаться с ним именно там. В полной выкладке (в костюме и с портфелем) он примкнул к бегущему Мельчуку и сопровождавшему его Н.В. Перцову и обсудил с ними все интересовавшие его вопросы.

В один из дней (в среду или в четверг) мне сказали, что сегодня в лаборатории состоится доклад Ю.С. Мартемьянова, и я тоже смогу его послушать. Вскоре появился невысокий серьезный человек с пухлым черным портфелем – человек, о котором я был столько слышан. Насколько я теперь понимаю, тогда ему было 39 лет. Немногочисленные слушатели уютно расположились вокруг доски, и доклад начался. Юрий Семенович рассказывал о валентно-ионтивных комплексах, приводя в качестве иллюстрации известный пример об «окончательно отложенной воскресной прогулке». Мне это было очень интересно и близко, т. к. я тоже уже задумывался

о введении юнктивного и нексусного режима отношений в язык RX-кодов.

Во время доклада присутствующие стали свидетелями своеобразной «пикировки» между В.Ю. Розенцвейгом и докладчиком. Розенцвейг шутливо спросил, не построена ли вся эта теория для объяснения только одной рассматриваемой фразы. Докладчик ответил, что ради только одной фразы он не стал бы стараться. Позже, начертив на доске очередной валентный комплекс, Юрий Семенович спросил: «Это понятно?» Розенцвейг сразу же (со свойственным ему оригинальным акцентом, довольно точно воспроизведенным А.К. Жолковским в его «Мемуарных виньетках»⁴), ответил: «Конечно, мы заранее знали, что так оно и будет!» Тут уже Юрий Семенович не выдержал: «Виктор Юльевич, Вы что, нанялись вместо Мельчука смешить публику?» Конечно, не мое это дело, но насколько я знаю, у них иногда бывали непростые взаимоотношения. Однако с какой теплотой и даже любовью написал Юрий Семенович о Розенцвейге в своих воспоминаниях!⁵ И в этом тоже проявилась его высокая человечность и доброты. В этом тексте как будто оживает его трепетная, открытая, всегда отзывчивая и ранимая душа, которая удивительным образом сочеталась с бесконечной глубиной и безупречной логикой научной мысли, беззаветной и бескомпромиссной преданностью своему делу.

После доклада нас познакомили. Я был очень смущен и, помню, сказал, что у нас (москвичей и киевлян) много общих проблем. Он сразу же отпарировал: «Проблемы у всех общие!»

А через два месяца в МГПИИЯ прошла большая конференция «Проблемы прикладной лингвистики», на которой выступали все сотрудники Лаборатории, в том числе и Юрий Семенович. Тогда же я впервые увидел Ю.Д. Апресяна, А.К. Жолковского, познакомился с И.А. Мельчуком, был на его докладе, а потом мне даже удалось довольно долго с ним побеседовать. Одним из свидетелей нашего разговора был и Юрий Семенович. Прошел еще один год, и конференция аналогичного всесоюзного масштаба («Структурные и математические методы изучения языка») проходила в Киеве. На ней было очень много гостей из Москвы и Ленинграда (не было разве что Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Ю.А. Шрейдера и Ю.С. Мартемьянова...). Едва ли не впервые перед огромной и име-

⁴ См.: *Жолковский А.К.* Мемуарные виньетки и другие non-fictions. СПб.: «Звезда», 2000. 244 с.

⁵ Впервые опубликована в «Московском лингвистическом журнале», 2004, том 8, № 1. Впоследствии эта и все остальные работы Ю.С. Мартемьянова, упоминаемые в данном очерке, были переизданы в авторском сборнике «Логика ситуаций», см. [2].

нитой аудиторией довелось выступить и мне – волновался очень сильно. На следующий день Вера Алексеевна Матвеевко, ученый секретарь сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика», предложила мне опубликовать у них статью по материалам моего доклада. Конечно, для меня это была большая честь... К новому 1971 г. статья была отправлена в Москву. А через три месяца, в начале апреля, я получил из Москвы серьезную и обстоятельную рецензию, в которой предлагалось статью несколько доработать, подробнее осветить ряд вопросов. Через месяц я отправил переработанный материал статьи, а в феврале 1972 г. она была опубликована в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 14⁶. Лет через пять Юрий Семенович сказал мне, что автором этой рецензии был именно он.

Шло время, в апреле 1976 г. мы проводили у себя в институте расширенный лингвистический семинар, на который были приглашены и московские гости – Ю.С. Мартемьянов, Н.Н. Леонтьева, В.А. Матвеевко, Э.И. Королев, О.С. Кулагина, С.Е. Никитина. Все имели возможность выступить с обстоятельными докладами без регламентных ограничений. Пришла и моя очередь. Конечно, больше всего меня волновало то, как воспримет мой доклад Юрий Семенович. К моей большой радости, отнесся он к нему очень положительно и с большим пониманием. По-моему, именно с этого момента у нас с ним установились более тесные, доверительные отношения.

Через месяц с небольшим в нашем Доме научно-технической пропаганды проходил очередной всесоюзный семинар по искусственному интеллекту, который с 1975 по 1983 гг. ежегодно организовывала и проводила неутомимая И.Б. Штерн. Снова было много гостей, в том числе и Ю.Д. Апресян. Юрий Семенович прибыл на семинар с вещами прямо с вокзала и только после вечернего заседания задумался над проблемой своего поселения. Тут я без обиняков предложил ему остановиться у меня. На секунду задумавшись, он согласился. И, кажется, об этом не пожалел – впоследствии он неоднократно становился моим дорогим гостем – и на квартире, и позже, в лесном домике в Голосеево. С ним всегда было легко и просто – можно было беседовать и о науке, и на любые другие темы.

Он приезжал в Киев, поскольку был ответственным исполнителем хоздоговорной темы, заключенной между Всесоюзным Центром переводов (ВЦП) и Киевским госуниверситетом. Но «хоз-

⁶ Труб В.М. Об одном подходе к семантическому анализу, использующему семантическую валентность слов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. М., 1971. С. 71–95.

договор» был далеко не единственной целью этих приездов. Они часто «подгадывались» под какую-нибудь конференцию или семинар. Кроме того, для Юрия Семеновича много значило общение с киевскими коллегами – в первую очередь с его непосредственным соисполнителем И.Б. Штерн, а также Т.Н. Рыловой, с которой он поддерживал постоянный творческий контакт, И.М. Крейн и участниками организованного ею постоянного семинара, нашим известным философом (впоследствии академиком и директором Института философии) М.В. Поповичем, своей аспиранткой Г.Г. Яровой и многими другими. Он шутливо называл себя «солдатом ВЦП», и всегда с радостью был готов выступить с докладом – то ли в Институте кибернетики, то ли в Доме научно-технической пропаганды, то ли в Горсистемотехнике, куда впоследствии перешел наш отдел. И перед широкой, и перед сколь угодно узкой аудиторией. И всегда находил благодарных слушателей. И как никто умел слушать других, моментально схватывая самую суть сообщаемого. Он как будто рентгеном просвечивал докладчика, и для каждого излагаемого подхода мгновенно находил «системное» место в той широкой иерархической системе подходов и понятий, которая была известна только ему. Для очень многих, в том числе и для меня, такое «системное место» нашлось в его обзоре по актуальному членению, в подготовке которого ему помогали В.Н. Абызова и Е.В. Муравенко. И уже более 35 лет с благодарным пиететом я храню эту книжку⁷ с дорогой для меня надписью – автографом «Володе Трубу – к сведению и на память. 12.03.1982 Мартемьянов».

Мы много бродили по городу, активно общаясь, гуляли и по Голосеевскому лесу, который ему очень нравился. Он любил рассказывать о своих друзьях и коллегах, о человеке беспримерного гражданского мужества Константине Бабицком и его трудной судьбе, о многочисленных пешеходных и водных походах, в которых он участвовал, о своей службе в армии. Кто-то (но не он сам) говорил мне, что ему там доводилось и с парашютом прыгать... В мае 1978 г. в Киеве гастролировала Лейпцигская опера, и мы побывали с ним на двух спектаклях – «Похищении из сераля» Моцарта и «Ксерксе» Генделя. На Моцарта мы чуть-чуть припозднились. Услышав в гардеробе первые звуки увертюры, он сразу оживился и стал подпевать – было видно, что эта музыка ему хорошо знакома.

⁷ Обзор «Проблемы актуального членения в исследованиях по автоматическому переводу и реферированию» был впервые опубликован в 1981 г. в сборнике «Машинный перевод и автоматизация информационных процессов, серия 2» ВЦП. Переиздано в [2].

В один из его приездов (кажется, это было тоже в 1978 г.) я упомянул в разговоре об опубликованной в 1974 г. в НТИ большой статье Мельчука с подробным обзором работ Шенка. Помимо прочего, там был большой абзац, посвященный Мартемьянову, его подвижническим пионерским работам, которым Мельчук дал высочайшую оценку. Оказалось, что Юрий Семенович ничего об этом не знал. Я тут же разыскал журнал и указал ему соответствующее место. Юрий Семенович был очень растроган и даже, как он сам выразился, «прослезился». Я же испытал смешанное чувство гордости и удивления. Гордости за то, что именно мне было суждено ознакомить Юрия Семеновича с теплыми словами о нем Мельчука, удивления – тому, что чтобы узнать об этом, ему нужно было приехать в Киев, да еще спустя четыре года после того, как эти слова были написаны...

Как-то в конце 1970-х Рена Штерн сумела «пробить» для него путевку в Ворзель в Дом творчества композиторов. Однажды мы с Тамарой Рыловой его навестили. Он был очень рад, угощал нас коньяком. «Отдыхал» он с неразлучной спутницей – портативной машинкой. Говорил, что «работает зверски» – кажется, именно тогда он, помимо прочего, усиленно занимался переводом с венгерского романа Ф. Шанты «Пятая печать».

Встречались мы и в Таллине – на крупной международной конференции, которая состоялась в конце ноября 1983 г. Он выступил там с масштабным обзором пяти докладов, в том числе и своего. Помню, за завтраком в баре гостиницы «Олимпия», представив меня одному из коллег, он охарактеризовал меня как человека «фаталистического склада». Юрию Семеновичу виднее... На следующий день после его доклада мы долго блуждали по милым улочкам старого города в поисках адекватного пищевого заведения. Он говорил, что «завтрак надо заработать». А через неделю мы вновь увиделись в Москве на 3-м Международном семинаре по машинному переводу, который проводил ВЦП.

Потом были новые встречи в Киеве – в январе 1986-го, в мае 1987-го и в последний раз – осенью 1988-го. Он снова жил у меня. В один из дней, накануне его отъезда, Рена привела к нам Мирослава Владимировича Поповича, который очень высоко ценил Юрия Семеновича. Надо было видеть, как интересно им было друг с другом...

Через год с небольшим мы мельком увиделись в Москве в памятный день первой встречи с Мельчуком после его 12-летнего отсутствия.

...Следующей встречи пришлось ждать долго – семь лет. Мы увиделись в начале мая 1996 г. в Пущино на второй восстановлен-

ной после долгого перерыва конференции «Диалог», которые возродил и вновь стал ежегодно проводить неутомимый и незабываемый А.С. Нариньяни. Оказалось, что за это время Юрию Семеновичу пришлось многое пережить, в том числе и безвременную, чудовищную гибель его любимого брата Валентина Семеновича – доктора экономических наук, депутата Государственной Думы России. Он был буквально убит горем. В один из вечеров он пригласил к себе в номер Раю Розину, Сережу Крылова, Ольгу Ляшевскую и меня. Включил магнитофон, и мы имели возможность слушать записи пения его брата – Валентин Семенович был еще и настоящим профессиональным вокалистом, обладателем чудесного тенора. Этот тембр было практически невозможно отличить от лемешевского...

В последний раз мы встретились через шесть лет в начале июня 2002 г. в Москве в Институте языкознания на очередной конференции «Логический анализ языка». Внешне он почти не изменился, хотя чувствовалось, что что-то в нем обломилось – все беды, обрушившиеся на него и его многострадальную семью, не могли не отразиться на здоровье, которое и много раньше оставляло желать лучшего... Он сразу спросил меня, окончательно ли умер в Киеве машинный перевод. Я как мог потешал его некоторыми казусами работы программы русско-украинского перевода, приводя изначальный русский пример и обратный перевод результата его перевода на украинский. Они наглядно иллюстрируют последствия отсутствия принципиального использования смысла при машинном переводе:

Принимать закон (конституцию, устав...) – принимать закон (конституцию, *притомившись...*);

В это верится с трудом – В это верится с *работой...*

Шагал написал картину «Большой цирк» уже в преклонном возрасте – *Маршировал* написал картину «Большой цирк» уже в преклонном возрасте.

После перерыва на одной из секций был его доклад на тему «О толковании идеи о несовместимости понятий “гений” и “злодейство”»⁸. В комнате я насчитал всего семь человек, из них пятеро – докладчики, с нетерпением ожидавшие своей очереди. Юрию Семеновичу дали говорить полчаса...

⁸ Материалы доклада были отражены в статье «Лингвистический подход к толкованию авторской идеи о несовместности понятий “гений” и “злодейство” средствами драмы» (напечатано в сборнике «Логический анализ языка», 2004, перепечатано в [2]).

* * *

Я вообще не знаю, есть ли кто-нибудь, кто мог бы сейчас в полной мере дать оценку наследию Юрия Семеновича, поэтому далек от того, чтобы претендовать на истину в конечной инстанции. Но думаю, что основателем и родоначальником Московской семантической школы был именно он. Если бы не было Мартемьянова, эта школа возникла бы позднее, и история ее сложилась бы иначе. Подобно тому, как «декабристы разбудили Герцена», так и труды Группы машинного перевода (особенно 8-й выпуск «Машинного перевода и прикладной лингвистики») стали мощным стимулом для того, чтобы обратить в сторону языковой семантики научные интересы таких титанов как И.А. Мельчук и Ю.Д. Апресян, что впоследствии и привело к созданию теоретической модели «Смысл ↔ Текст» и Московской семантической школе.

Нельзя не воздать должное также и многогранности исключительного дарования А.К. Жолковского (думаю, что его ранняя статья «Лексика целесообразной деятельности»⁹ – это работа, которая опередила свое время не на одно десятилетие). Но на самом первом этапе изначальный импульс был дан именно Юрием Семеновичем. Ведь не зря Нина Николаевна Леонтьева отмечает в своих воспоминаниях [3] [4], что он был «самым ревностным защитником идеи», когда «принес рулон миллиметровки, раскатал по длинному коридору, расчертил таблицу и стал вносить в нее согласованные со всеми смыслы...» [3 с. 31].

И как знать, не послужили ли толчком к глубокому анализу структуры текста «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» (из которого впоследствии выросло главное направление творчества Жолковского (и Щеглова)) ранние статьи Юрия Семеновича о формализации сказочных сюжетов? А разве не «перекликается» очень по-своему с тем же направлением глубочайшая работа Мартемьянова о мире тщеславия Франсуа де Ларошфуко и его же «лебединая песня» – о толковании идеи о несовместности понятий «гений» и «злодейство»?¹⁰

В то же время, как очень точно заметил в своих воспоминаниях Алексей Всеволодович Гладкий [5], главной чертой Юрия Семеновича была независимость – он всегда шел своей дорогой, не примы-

⁹ Напечатано в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1964, вып. 8.

¹⁰ Эти и другие статьи Ю.С. Мартемьянова были переизданы в авторском сборнике [2].

кая ни к одной из старых и новых научных школ, создав свою собственную. И еще: он не уставал напоминать о бесконечной сложности человека и всегда предостерегал от слишком простых, грубых, скоропалительных решений. Здесь уместно также привести отзыв Ива Жантийома в его частном письме:

Дорогой Юрий! ...Меня восхищает глубина Твоих исследований, подчас сложных и тонких, но которые в конце концов пробьют себе дорогу среди специалистов доброй воли. Ты трудишься для будущего, а не ради сиюминутного успеха. Ты настоящий ученый. [2 с. 1050]

...На второй день конференции, в перерыве после утреннего заседания, где выступал и я, мы пили чай во всегда гостеприимной 34-й комнате Института языкознания. Конечно, было приятно слышать от него: «Ваша семантика мне нравится». Но можно ли было думать, что это последнее напутствие? Он очень звал меня в гости, но я не смог – был ограничен во времени. Спрашивал, сколько стоит билет до Киева, записал мой электронный адрес – он так хотел после долгого отсутствия снова оказаться в милом его сердцу городе. А мы ждали...

Литература

1. *Леонтьева Н.Н., Жолковский А.К., Мартемьянов Ю.С.* О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей Міжвузнавк. конф. Чернівці, 1960. С. 97–99.
2. *Мартемьянов Ю.С.* Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов / ред. Е.Ю. Щербакова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1056 с. (Язык. Семиотика. Культура).
3. *Леонтьева Н.Н.* Как я оказалась в машинном переводе (Воспоминания о раннем периоде ЛМП) // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание». 2009. № 6/09. С. 28–37 (Московский лингвистический журнал. Том 11).
4. *Леонтьева Н.Н.* О семантике – в Лаборатории и после // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание». 2009. № 6/09. С. 38–68. (Московский лингвистический журнал. Том 11).
5. *Гладкий А.В.* Воспоминания о Юрии Семеновиче Мартемьянове // Московский лингвистический журнал. Том 8. № 1. Москва, 2004. С. 18–22.

References

1. Leont'eva NN., Zholkovskii AK., Martem'yanov YuS. On fundamental importance of taking account of semantics in machine translation V: Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей Міжвузнавк. конф. Чернівці, 1960. С. 97–99. (In Russ.)
2. Martem'yanov YuS. Logic of situations. The structure of a text. Words as terms. Shcherbakova EYu., ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; 2004. 1056 p. (Language. Semiotics. Culture). (In Russ.)
3. Leont'eva NN. My Way to machine translation (Memories of the early period in LMP). *RSUH / RGGU Bulletin. "Linguistic" Series*. 2009;6/09:28-37 (Moscow Journal of Linguistics. Volume 11). (In Russ.)
4. Leont'eva NN. On semantics – in the laboratory and after. *RSUH / RGGU Bulletin. "Linguistic" Series*. 2009;6/09:38-68 (Moscow Journal of Linguistics. Volume 11). (In Russ.)
5. Gladkii A. Remembering Yurii Martem'yanov. *Moscow Journal of Linguistics*. 2004; 8(1):18-22. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир М. Труб, доктор филологических наук, Институт украинского языка Национальной академии наук, Киев, Украина; 01001, Украина, Киев, ул. Грушевского, д. 4; trub44@ukr.net

Information about the author

Vladimir M. Trub, Dr. in Philology, Institute of Ukrainian of National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine; bld. 4, Grushevskogo str., Kiev, Ukraine, 01001; trub44@ukr.net